

НЕПИСАНЫЙ ЗАКОН

Никогда не думал, что расставание с Камчаткой буду переживать так болезненно. Ноет душа и тело. Не спасает и все-таки сильное: «Время лечит». Ничего похожего. Скорее наоборот. Боль усиливается с годами, которые все больше углубляют пропасть между прошлым и настоящим. С годами все меньше и меньше вспоминаю ревущие вулканы и поющие гейзеры, олени нарты и снежную круговерть. А недавно я подумал о том, что начисто забыл даже про прямую радугу. В свое время я бы полез в драку с каждым, кто посмел бы мне сказать, что я все забуду, даже прямую радугу. Мыслимо ли забыть то, что доводится видеть лишь немногим на земле? А я видел.

Это было в одну из северных экспедиций. Мы ехали на собачьих упряжках по безмолвной тундре и увидели ее — одно из редчайших явлений на земле. В шестидесятиградусный мороз по обе стороны оранжевого холодного солнца стоят две вертикальные радуги. Их на Севере называют детьми мороза и солнца. Никогда раньше мне не приходилось видеть радугу зимой, да еще прямую. Радуга — всегда дуга. Радуга-дуга. А тут прямые столбы, словно вырастают из горизонта и стоят по обе стороны солнца на одинаковом расстоянии, как часовые. Длится это видение недолго. В какое-то мгновение радуги растворяются, приближаются к солнцу, обрамляя его и делая светило еще огромнее. И такое впечатление, будто видишь сразу два солнца. Одно оранжевое, какое-то колеблющееся, переливающееся, и второе как фон, как гигантский огненный шар, весь покрытый радужными узорами. Сразу два солнца. Разве такое можно забыть? А вот не вспоминал.

Как не вспоминал и то, что однажды в течение дня мне дважды довелось увидеть восход солнца. Летел я из Москвы на край света. Внизу живая карта России переливалась разными красками. Я словно поднялся над гигантским художественным полотном и тщетно силился разглядеть его рамки, его границы. На высоте полутора Эверестов видна только бескрайность россий-

ская. Я летел навстречу солнцу. Я — на восток, солнце — на запад. И вскоре я расстался с ним. Потом вновь увидел утреннюю зарю. Рождалось солнце. Вот так дважды за день я встретил восход, а подо мной все еще была Россия. И этот день тоже забылся.

Годами я вспоминал то, что меня когда-то поражало. А если и вспоминал, то мимоходом и случайно. И когда в одной песне я услышал: «Память моя однобока», меня эти слова не удивили. Я просто всегда ловил себя на мысли, что вспоминаю не извержения вулканов и землетрясения, а людей. Вижу их лица. И чем дальше во времени, тем четче вижу их лица. Их глаза. Даже голоса их слышу.

Никогда, например, не забываю оленевода Кавава. И глаза его помню. Глаза, в которые даже при ярком солнечном свете не заглянешь, до того они крохотные и узкие. Помню тонкие трещинки на скулах. Они явно были от морозов и ветров. Хорошо помню даже его кухлянку — шубу из белой, с коричневыми подпалинами, оленьей шкуры. Все помню до мелочей. Он не изменился, как последняя фотография в паспорте. Я помню его в больничной палате. В ту зиму было очень холодно и, несмотря на исправно работавшее паровое отопление в больнице, холод проникал даже в операционную. Кавав лежал весь забинтованный. Поверх больничного одеяла он был укрыт кухлянкой — белой в коричневых подпалинах.

Лишь полчаса я видел Кавава в палате. На вертолете специально полетел в поселок Палана, чтобы навестить его. У меня в распоряжении было всего полчаса, отведенных пилотами. И эти полчаса я провел у кровати Кавава. И он мне запомнился именно таким, каким я его видел в тот день. Тихим, спокойным. С темным от загара лицом, с трещинками на скулах. Может, потому он мне запомнился таким, что другим я его не помнил. В ту нашу встречу и лица не видел, и расцветки кухлянки не разглядел. Лишь раны его...

Той ночью мне позвонили из Паланы. Сообщили, что группа детей заблудилась в пургу. Шли они из интерната в оленеводческие бригады, к родителям. В тундре их застигла пурга, и они заблудились. Их ищут. Возможно, понадобится медицинская помощь... Собственно, я до конца и не дослышал. Только сказал в трубку: «Постараюсь». Торопился, потому что надо было звонить по телефону. А для этого нужно, чтобы не только положили трубку на том конце провода, но чтобы дала отбой и междугородная станция. Из опыта знал, что после разговора телефон еще долго остается отключенным. Вот почему я торопился.

Мне повезло. Мой друг Василий был дома. Василий Дмитриев. На полуострове все его звали «Знаменитым вертолетчиком». Мало кто звал его по имени. В газетах много писали о Васе. Один из очерков был назван «Знаменитый вертолетчик». Мы, друзья, конечно, немало поиздевались по поводу этого самого «знаменитого», и прозвище вскоре накрепко прилипло к нему.

Я сообщил Васе о случившемся.

— Ты хоть знаешь, что творится за окном? — заворчал он спросонья.

— Знаю, потому и звоню. В тундре заблудились дети...

— Вертолеты ночью не летают. Вертолеты в пургу не летают.

— Если бы сейчас не ночь и не пурга, с этими сорванцами из Паланы все бы было в порядке.

— Мне же никто не даст разрешения на вылет, — сказал он и бросил трубку.

Я в недоумении посмотрел на трубку, ничего не понимая. Вроде бы разговор не окончен. Да и последние слова Василий произнес без всякого раздражения, как обычно бывает, когда бросают трубку. И все же так оно было. Короткие гудки, такие громкие в ночной тишине...

Не знаю почему, но я начал одеваться. И одевался капитально. Так сказать, в дорогу. И не просто в дорогу, а чуть ли не в экспедицию. Был даже как-то спокоен. Уверен, что не зря натягиваю на себя теплый свитер, меховую шубу, оленьи торбасы с высокими голенищами. И когда сквозь пургу долетел до меня автомобильный сигнал, я ничуть не удивился. Мало того, я даже ждал этого сигнала. Не удивился и тому, что Василий не выходил из машины. Не торопил меня. Он тоже был уверен, что через минуту-другую в моем окне погаснет свет и я выйду из дома.

В ту пуржистую ночь вертолет поднялся в небо наперекор всем писаным законам и инструкциям. За такое наказывают строго. Василий прекрасно знал это. Он мне не говорил, что «риск — благородное дело», что «победителей не судят». Не говорил и того, что судить не будут, если даже случится беда, потому что некого будет судить. Он просто был уверен, что действует по неписаным законам, которые обязывают сделать все, пусть самое невозможное, чтобы спасти детей. Знал, что в пургу опасно лететь. Как-никак вертолет, а не лайнер с автопилотом. Но Василий знал и иное: другим нельзя — ему можно. Он хорошо знает не только сорок действующих и недействующих вулканов, но и каждую кочку на полуострове. Как-никак «зна-

менитый» вертолетчик! Машину может вести вслепую. Он доверял машине. Он доверял себе. Он любил говорить о машине и не любил говорить о себе. Он только похвалил меня, когда после долгих попыток, нащупав, наконец, снежную твердь тундры, мы приземлились в Палане:

— А ты молодец...

— Чего не могу сказать о тебе, — сказал я.

— Что, сильно качало?

— Нет, шуму много в вертолете...

— Ну, куда мы теперь пойдем?

Я показал ему в сторону мерцавших огоньков поселка. И мы, согнувшись от ветра в три погибели, направились в Палану. Здесь нам рассказали о случившемся. Оказалось, накануне Нового года дирекция интерната решила отправить детей — кого на собаках, кого на оленях, кого на вездеходах — в кочевья, к родителям. Но дети, двенадцать мальчишек и девчонок пятого — шестого классов, не дождавшись транспортных средств, решили пойти пешком. Вышли они из поселка в полдень, а часа через полтора неожиданно задул ветер, издревле именуемый «Камчатка». А теперь вот неизвестно, вместе они заблудились или уже успели разойтись? Известно только то, что до кочевий никто из двенадцати не добрался. Мы с Василием смотрели друг на друга и молчали. Каждый из нас слишком хорошо понимал свою беспомощность в этой ситуации. Презрев громкие слова, все-таки скажем, что Василий совершил подвиг уже тем, что доставил врача в ночь и пургу на север полуострова. Свое дело он сделал. Но только сейчас выяснилось, что, собственно, никому не нужен был этот самый подвиг. Пилот, хорошо знавший трассу, сумел выполнить маршрут и посадить машину в кромешной тьме. Но он же не сможет ночью отправиться на поиски детей! Для этого нужна не только нормальная погода, но и хоть малая видимость. И еще нужно знать, где приблизительно искать. Остается одно: ждать до утра. Хотя каждый из нас сознавал и то, что спасти детей можно только в том случае, если найдешь их именно до утра. Хорошо известно, чем заканчиваются такие истории. Мороз и страх перед смертью делают свое дело. Человек теряет волю и даже рассудок. И тогда, потеряв веру в себя, он умирает раньше, чем перестает биться его сердце. Такое бывало даже с сильными, взрослыми, многоопытными людьми. А тут дети.

Беседа наша проходила в кабинете заведующего окружным отделом народного образования. Там были главный врач окру-

га и начальник милиции. Они говорили о том, что по радиации дана команда всем пастухам-оленеводам начать поиски. И вся надежда только на них. Я обратил внимание, что все они какие-то спокойные, что ли. По крайней мере, для такого вот экстремального случая они были слишком уж спокойны. Не скрывал своего волнения только главный врач, который звонил мне по телефону. Оказалось, в округе случилось такое не раз и всегда обходилось. Оленеводы находили заблудившихся детей, туристов, геологов. Правда, сейчас положение усложнялось тем, что слишком уж много их. Двенадцать подростков. Я спросил моего коллегу:

— Так и будем сидеть сложа руки?

— Я понимаю, ты хочешь спросить, зачем, мол, вызвали тебя среди ночи?

— Я спрашивал о другом, — сказал я, стараясь сдерживать себя, — мы сидим и гадаем...

— А в больнице полным ходом идет подготовка к приему детей, — тихо сказал главный врач. — Вот тут и нужна будет ваша помощь. По опыту знаем, будет много обморожений. А это ваша специальность.

— А с чего это ты вдруг перешел на «вы»? — улыбаясь спросил я.

— Потому что ты злюка, — неожиданно вставил молчавший все время Василий.

Все посмотрели на него. Наступило напряженное молчание. По всему было видно, что пилот вовсе не шутит. И сказал он свое «злюка» как-то нарочито подчеркнуто.

— Почему?

— Потому что в твоём вопросе была тень сомнения, мол, действительно, зачем тебя позвали?.. Хотя, честно говоря, меня тоже раздражает спокойствие этих людей. Там сейчас, может, дети умирают, а тут...

А там, в открытой тундре, дети в это время уже действительно были на грани гибели. К счастью (если, конечно, можно сказать в такой ситуации «к счастью»), они еще были вместе, когда их застигла пурга, начавшаяся сразу и неожиданно. Они задыхались от сильного пронзительного ветра и снежной пыли. Не могли идти. Знакомые им тропы вмиг замело снегом. В реве ветра им слышался вой волков. От того что они не двигались, начали мерзнуть. Неизвестно, что бы с ними стало, если б не подоспел Кавав. От страха дети уже не могли говорить. Некоторые потеряли сознание. Кавав по очереди перетаскил их к

подножию пологой сопки. Собрал их всех в кучу, как мешки с капустой. И начал рыть в снегу берлогу. Рыл руками, сбросив меховые перчатки, которые только мешали. Рыл остервенело. Вскоре готова была пещера, где можно было разместить не только детей, но и целую оленью упряжку. Тяжелым ножом нарубил ветки кедрача-стланника. Всех детей уложил в пещере. Вход закрыл ветками кедрача, чтобы не очень заносило снегом. И начал растирать ребят своими жилистыми руками. Дети стали отходить. Заговорили, загалдели. Присутствие взрослого успокаивало. Пропал страх. В пещере было не так холодно, как в открытой тундре. Спокойный голос Кавава вселял в них бодрость. И не такие они уж были маленькие, чтобы не понять самого главного. Уже спасены. И как только сгинет ночь — появятся другие взрослые. Дети очень хорошо знали это. Не по книгам знали — из жизни...

Кавав уже шутил с ними, веселил их, чтобы никто ненароком не уснул. Немного осталось до утра. А их найдут быстро, потому что рядом с убежищем стоит оленья упряжка. Олени привязаны к остолу. Никуда они не уйдут. Погода утихомиривается. Так что их быстро заметят. Но мысль о четвероногих друзьях не давала Кававу покоя. Хоть и привязаны они накрепко, тундра есть тундра. Шастают по ней голодные волки. И оленевод, сказав детям, что пойдет посмотреть оленей, вышел из пещеры.

Потом уже дети расскажут, как они долго ждали Кавава, как вновь забеспокоились, как вновь вернулся к ним страх. И как они вновь начали плакать. Плакали, звали Кавава, а он все не приходил. Они даже подумали, что он их бросил. Они не знали, что Кавав в темноте боролся с двумя волками, которые успели уже загрызть одного оленя. Дети не знали и того, что с вертолета сначала обнаружили кровавую площадку на снегу, уже закоченевшие трупы волков и дергающегося в упряжке оленя, рядом с которым лежал его зарезанный напарник. А чуть поодаль увидели человека, лежащего в снегу. Еще сверху было видно, что человек этот полз в сторону пологой сопки. За ним оставались на снегу красные пятна. Он полз до тех пор, пока последние силы не оставили его.

Волки сильно изранили Кавава. Были раны и довольно опасные для жизни. Разорваны мышцы, сосуды, сухожилия. И прежде чем начать зашивать раны, накладывать бесчисленное множество швов, надо было вернуть его к жизни, которая едва теплилась в холодном и белом, как снег, теле. Слишком

много он потерял крови. Мы уже израсходовали весь больничный запас для переливания, а смерть все не отступала. Требовалось прямое переливание. Но, как назло, у Кавава была та самая редкая группа крови, которая встречается лишь у пятнадцати процентов населения планеты. Одного за другим, начиная от начальника милиции, кончая заведующим окроно, проверяли в лаборатории. И лишь у Василия оказалась нужная группа. Его-то и положили рядом с умирающим Кававом на операционный стол. Вскоре через нехитрую систему кровь из вены пилота стала поступать в вену оленивода. Девять часов продолжалась операция. Сестра начала было считать количество швов, но после сотни сбилась со счета. Поздно вечером Кавав пришел в себя. Он открыл свои узкие глаза и, увидев меня, сидящего рядом с ним, ничуть не удивился. Потом он говорил, что все хорошо помнит. Помнит даже, как умирал. Даже когда уже мертвый был, помнит. Так что он теперь знает, как умирают люди и вообще что такое смерть. Вот почему и не удивился, когда увидел меня в белом халате и белой шапочке. Он только, едва шевеля губами, выдал из себя: «Как дети?»

На следующее утро, когда уже стало ясно, что опасность миновала, наш вертолет поднялся в тихое морозное небо и взял курс на Петропавловск-Камчатский. Вечером в моей квартире, сидя у домашнего камина с экзотическим названием «Карабах», мы с Василием обмывали наши «награды». Я получил выговор по облздравотделу за невыход на работу, а Василий — за нарушение инструкции. Выговор с последним предупреждением...

...Недавно я получил письмо от «знаменитого вертолетчика». Пишет, что обе дочери уже поступили в институт, что по-прежнему регулярно летает в кочевья и что не раз видел Кавава, который всегда говорит одно и то же: мол, все в жизни забывается, и даже схватка с волками забывается, самая сильная пурга забывается, а вот всегда помнит, как открыл глаза тогда и увидел рядом врача. «Знаменитый вертолетчик» писал еще о том, что скоро, наверное, быть двум свадьбам. Приглашает на свадьбу дочерей. А в конце письма мелким почерком, как бы вскользь, сообщил, что его на днях наградили. Золотой звездой Героя Социалистического Труда.

И я ничуть не удивился этому.